

Василькова Светлана Николаевна

ФИЛОДОКСИЯ И НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ КЛАССИКИ

В статье анализируется положение философии в структуре современного гуманитарного знания: неотступно повторяется история философии в ее отдельных моментах, а логическая наука как необходимый результат исторического развития философии пребывает в том же состоянии, в каком ее оставил Гегель. Обосновывается мысль о том, что для преодоления следующей ступени развития философии следует вернуться к классическим рациональным основаниям и попытаться логически снять всю историю философии, включая и философию Гегеля, который в "Науке логики" дал первый образец такого снятия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/8-1/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 28-33. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101.1

Философские науки

В статье анализируется положение философии в структуре современного гуманитарного знания: неотступно повторяется история философии в ее отдельных моментах, а логическая наука как необходимый результат исторического развития философии пребывает в том же состоянии, в каком ее оставил Гегель. Обосновывается мысль о том, что для преодоления следующей ступени развития философии следует вернуться к классическим рациональным основаниям и попытаться логически снять всю историю философии, включая и философию Гегеля, который в «Науке логики» дал первый образец такого снятия.

Ключевые слова и фразы: филодоксия; постмодерн; классическая философия; рационализм; логическая наука; история философии.

Василькова Светлана Николаевна*Русская христианская гуманитарная академия**drakon_fly11@bk.ru***ФИЛОДОКСИЯ И НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ КЛАССИКИ[©]**

В конце XIX века Ф. Ницше предсказал грядущую эру нигилизма – эру абстрактно-отрицательного отношения ко всем прежним ценностям: правовым, политическим, моральным, эстетическим, религиозным и философским. XX век показал, что он попал в точку. Что собой представляет философия сегодня? Вопрос о философии в наше время обострился до того, что некоторые авторы даже констатировали не только ее кризис и необходимость трансформации, но и ее смерть. Крайним выражением современного отношения к философии является утверждение, что философии как таковой вообще не существует, а есть лишь учения отдельных индивидов, называемых философами только ради удобства, в силу негласной конвенции. Сегодня говорят о том, что философия должна стать личным делом, и поэтому философствовать нужно не с кафедры или на страницах философских изданий, а за столом или на уличных скамейках с друзьями.

Родоначальниками тезиса об «упразднении философии» являются К. Маркс и Ф. Энгельс, согласно разумению которых, философия закончилась и умерла вместе с Гегелем («ныне покойная философия», – пишет Энгельс во Введении к «Анти-Дюрингу» [10, с. 27]). М. Фуко также известен как автор утверждения о «смерти философии» [14, с. 67]. Витгенштейн считает философию языковой болезнью, которая должна вылечить, прежде всего, самое себя; у Витгенштейна она превращается из фундаментальной системы в деятельность по обслуживанию разного рода дискурсов [2, с. 174]. Поздний Хайдеггер предлагает на место философа фигуру мыслителя-поэта и утверждает, что надо мыслить не головой, а рукой. Ю. Хабермас, как и К. О. Апель, полагает, что время великих философов безвозвратно ушло: «Учителя мысли стяжали себе дурную славу» [15, с. 7]. В соответствии со своими демократическими симпатиями Хабермас и Апель считают, что «учителя мысли», создавая собственные философские системы, закрывают своим авторитетом поиски новых возможностей объяснения универсума. Оба рисуют современных философов как «надутых мандаринов», унаследовавших от прошлого позу величия, которые притязание говорить о «самом главном» используют в собственных интересах.

В XX веке были пересмотрены представления «учителей мысли» о бытии (материальном или духовном) и на передний план выдвинулась проблема человеческого существования. Сегодня люди ориентированы на поиски экономных и рациональных решений, позволяющих достигать поставленных целей с наименьшими затратами и эффективными средствами. Но такая ориентация не всегда пригодна для решения фундаментальных вопросов, к каким относятся проблемы бытия, мышления и их отношения. Кажется, что наша жизнь упорядочена и рассчитана по минутам и каждое наше действие является экономным и рациональным. Однако нам по-прежнему неясен общий смысл бытия. Человек с его сознанием, доброй волей, свободой, ответственностью и прочими субстанциальными качествами, человек, ориентированный вечными идеями и ценностями, стал стремительно «закатываться за горизонт». Со смертью Бога, метафизики, литературы, истории на фоне торжества релятивизма, нигилизма, неверия и беспочвенности человеку не на что опереться и он стремительно маргинализуется в невидимых сетях повседневного порядка и бытового комфорта. В новых условиях существования нельзя не заметить потери абсолютных ориентиров и легитимации множественности и разнообразия форм жизни, ранее не бывших традиционными (эксперименты с насилием, сексуальностью, смертью, безумием, поэтизация маргинального образа жизни). Разрушаются порядок и власть, семьи и кровнородственные связи, деградируют религиозные и национальные ценности, распадаются твердые основания, значения и смыслы, а новые образуются в сознании лишь как ярлыки или «симулякры». Автор этого термина, французский философ Ж. Бодрийяр в своей работе «Системы вещей» отмечает, что в наше время происходит процесс нивелирования понятия абсолютного и истинного, ценность приобретает символ, утративший собственное содержание, создается некая видимость (симуляция), которая воспроизводит реальность, но реальностью не является, человек потребляет просто знак, который отправляет его в место в социальной иерархии [1, с. 31].

Современная социальная система функционирует наподобие заведенного механизма: «...скорость смены одного события другим так велика, что значения и смыслы не успевают осесть, кристаллизоваться... мы

не успеваем сделать их фактом сознания» [3, с. 40]. Христианство без Христа, марксизм без Маркса, фрейдизм без Фрейда, цивилизация без культуры, гуманизм без человеколюбия – это как кофе без кофеина. Пустой знак, симулякр. И многие из нас сегодня вовлечены в этот обмен пустыми знаками, ибо мы ничего не успеваем (да и не хотим) извлечь и понять. Так и живем в мире неизвлеченных смыслов и расширяющихся симулятивных пустот, «в мире неясного и неочевидного», в мире, где интеллектуальная парадигма «как бы» доминирует над парадигмой «на самом деле». Московский философ Ф. И. Гиренок убеждает современников в том, что «доминирование структуры «как бы» привело к антропологической катастрофе» [Там же, с. 65]. Формула «на самом деле» указывает на то, что постижение истины возможно, и полагает существование точки отсчета и знание границ. А «как бы» позволяет быть вне зависимости от того, есть истина или нет; «как бы» указывает на подвижность, смещение и смешение границ, неопределенность. В мерцающем мире неопределенностей определено только тело – только тело не отвлечено и не является абстракцией. И поэтому современная культура стала культурой тела. Человек перестал звучать гордо – скорее он пуст и ничтожен: у него нет бессмертной души, он просто тело, поверхность. Следовательно, он то, что требует работы с дизайнером. Весьма показательно, что дизайнер сегодня – едва ли не одна из самых востребованных и популярных фигур на рынке труда. Современный человек, как существо поверхностное, не может обойтись без того, кто умеет работать с поверхностями.

Не случайно образ поверхности становится смыслообразующим центром философствования другого современного французского автора – Ж. Делеза. В своем произведении «Логика смысла» он пишет: «Налицо переориентация того, что подразумевается под способностью мыслить: больше нет ни глубины, ни высоты... Речь идет о том, чтобы низвергнуть Идеи, показать, что бестелесное пребывает не в вышине, а на поверхности, и что оно – не верховная причина, а лишь поверхностный эффект». Таким образом, философ теперь не платоновская «душа-птица», а «плоское животное поверхности – клещ или блоха» [4, с. 163-164]. В делезовской версии между смыслом и вещью существует вечная оппозиция и противостояние – несомненно, что Делез направляет свою концепцию против Канта и Гуссерля, которые подчеркивают укорененность смысла в трансцендентальном сознании. Фразы «мысль – это складка бытия» и «вещи лучатся смыслом» выражают авторскую концепцию «мерцающего субъекта», согласно которой мышление – это балансирование на границе двух разбегающихся миров или регистров существования, процесс поочередного отождествления то с вещами мира, то с понятиями. Думается, что такое механическое сцепление слов, ведет не к росту ясности и уловлению «излучаемого смысла», а к размножению туманных метафор и калейдоскопичности словотворчества. Понятие «ризомы», введенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари для характеристики современной культуры, довольно точно выражает постмодернистскую «эстетику корневища», демонстрируя исчезновение смыслового центра и отражая новый тип связей – нелинейных, хаотичных, бесструктурных, антиерархичных, множественных и запутанных [17, p. 9-11].

Удачным выражением калейдоскопического характера современного философствования является и «параллаксное видение» С. Жижика [5, с. 147-153], который сам жанр своей работы определяет как «бриколаж», т.е. сплетение воедино отрывочных восприятий, связей и суждений. Используя это, позаимствованное в физике, понятие Жижек превращает его в своеобразную метафору своего теоретического подхода, применяемого в философии, литературе и политической деятельности. Как поясняет сам автор, задачей его метода является преодоление двойной иллюзии, возникающей вследствие помещения на одну плоскость двух, несовместимых по своей природе, явлений. Такое преодоление осуществимо посредством удержания некой «невозможной» философской позиции, исходно смещенной относительно любой идентичности. Метод напоминает потряхивание трубы калейдоскопа и описывание узорчатой картины, но вместо цветных стеклышек внутрь попадает все подряд: высказывания Гегеля и Кьеркегора; припомнившиеся фильмы и реплики героев Кафки, Феллини и Тарковского; анализ различия возвышенного в оперном цикле Вагнера и произведениях Россини, что, по словам автора, «идеально соответствует кантовскому различению между динамическим и математическим»; даже Наполеон и Мухаммед Али – как «воплощенное предначертание».

Надо отметить, что чтение произведений современных мыслителей весьма занятный процесс, отчасти схожий с блужданием по библиотеке Борхеса, где трудно предугадать, что встретишь за поворотом очередного коридора. Не хочется повторять банальности, но следует отметить, что в первом приближении такое «блуждание в лабиринте» смыслов и знаков может быть определено как блуждание в пустоте и «симуляция отстраненности» (термин П. Слотердайка). Для иллюстрации вышеизложенной мысли не будет неуместным одно замечание Тейяра де Шардена: «Боже, Ты же знаешь, Ты же ведаешь, что я могу вынести встречу с какой-нибудь там былинкой, травой, животным, но не вынесу встречу с другим человеком. Ты же знаешь, общаюсь с ним непросто в силу того, что он пуст» [16, с. 249].

Философия перестала быть картиной мира и выродилась в разные виды иррационализма, релятивизма, плюрализма мнений, того, что в истории философии называлось филодоксией и мизологией. Как справедливо утверждает С. П. Лебедев, современная философия (или философствование) – это форма произвола в отношении мышления к своему предмету; она напоминает софистику в античности или физику начала прошлого века, когда исчезли системы неподвижных звезд, а вместе с ними твердые масштабы и абсолютные измерения [7]. Историческим примером утраты абсолютной перспективы в области философской мысли, отмечает С. П. Лебедев, является софистика, где мерой отношения мышления к его предмету выступает мнение (δόξ), основанное на чувстве, – самое относительное, конечное и субъективное отношение. А раз есть только относительное, только субъективные мнения и рефлексии, то в связи с этим закономерен и вывод, сделанный софистами: ничто не есть, или есть только ничто (Горгий). Против этого и выступил Сократ (а вслед за ним вся классическая философия вплоть до Гегеля): относительное, конечное, единичное не может существовать благодаря себе самому; оно есть лишь явление своей всеобщей природы – блага, понимаемого как внутренняя цель самого этого конечного. Если мерой истины является чувство, мнение, рассудок, любая из единичных

или особенных форм отношения мышления и бытия, то для такой меры вообще нет ни истины, ни блага, а есть лишь видимость и «кажимость», и для каждого своя. Философия в ее классической традиции выступила не как простое собирательство мнений и случайных рефлексий (погружение лишь в относительное, в ничто), а как познание всеобщего, как любовь к истине и процесс познания истины. А. Н. Муравьев, исследуя основы и формы эмпирического, позитивистского и метафизически-рассудочного способов мышления, также отмечает софистический характер современного философствования, «...выродившегося в полный хаос мнений и произвол игрищ со смыслами и без смыслов и достигшего того же нигилизма в отношении всех ценностей, которые в лучшем случае признаются как установки, императивы, субъективные намерения, не имеющие под собой доказательства собственной необходимости» [11].

Таким образом, особенное, эмпирическое, бессознательное мышление, равно как и рассудочно-метафизический способ рефлексии, абстрагирующиеся от необходимости всеобщего отношения мышления и бытия, проявили свою неспособность познать не только всеобщее (истина, благо и красота), но и особенные формации реальности (природа, общество, мышление). Не смогли они адекватно объяснить и особенные виды отношений: антропологические, психологические, биосоциальные (например, учения Фрейда и Юнга оказались по сути своеобразной неомифологией XX века). Человек и мир, душа и тело, природа и общество – эти важные вопросы так или иначе отражены, но не разрешены в учениях множества серьезных мыслителей, которые стихийно и порознь повторяют историю философии в ее отдельных моментах, что больше напоминает топтание на месте или возвращение вспять. И философия как логическая наука (необходимый результат исторического развития философии) находится почти в том же состоянии, в каком ее оставил Гегель.

Если же попытаться как-то оценить XX столетие с точки зрения содержания философствующей мысли, то его, как пишет А. Н. Муравьев, можно назвать веком разнообразнейших «нео» – веком возобновлений уже пройденных ступеней исторического развития философии: «Иные из современных учений сами обозначали себя как «нео», другие – нет, но это не имеет значения, ибо, кроме неокантианства, неотомизма и неогегельянства XX века, можно, не играя словами, говорить о неолокканизме и неоскептицизме позитивистов этого столетия, о неостоицизме экзистенциалистов, неокартезианстве феноменологов, неоплатонизме представителей герменевтики, просветительском неоматериализме и неофихтеанстве марксистов и, наконец, о неософистике постмодернистов» [Там же]. За каждым из этих явлений современной мысли, по сути, стоит какая-то необходимая ступень истории философии или даже истории культуры. «И если искать какой-то содержательный аналог философствованию этого времени в истории, – считает А. Н. Муравьев, – то его можно уподобить философствованию эпохи Возрождения. Как и Ренессанс XV-XVI веков, неоренессанс XX столетия в области философии был эпохой нетворческой, непродуктивной, но значимой в общекультурном плане» [Там же].

Можно только согласиться с Хайдеггером, утверждающим, что мы еще не знаем, что значит мыслить. К этому можно добавить, что никогда и не узнаем, если будем продолжать игнорировать великие достижения классической мысли, полагая, что все сливки с них уже сняты, а наш удел – лишь играть в философию на постмодернистский манер или мечтать о чудесном восстановлении одной из фаз дологического развития духа. Критика рационализма и философской рефлексии стала настолько завораживающей, что иногда думают, что можно вообще обойтись без разума, который представляется как большая авторитетная инстанция, миф о которой поддерживается философиями исключительно для того, чтобы оправдать свои претензии на верховное место и, следовательно, на власть в социальном пространстве. Но пристальный анализ нынешних дискуссий относительно стандартов рациональности классической философии наводит на подозрение, что отрицание этих стандартов продиктовано не столько их логической или методологической несостоятельностью, сколько неспособностью самих «критиков» мыслить в соответствии с рациональными стандартами, заданными классической философией. Опыт критической рефлексии утрачивается, а новое оказывается, вопреки оптимизму постмодернистов, значительно хуже старого. Это происходит потому, что мы судим историю, а не она нас. Но мы тоже должны проверять свои утверждения историческим опытом выживания. Когда современники расценивают великих философов прошлого как неких «надутых мандаринов», то не проявляется ли в этом отвратительное чувство зависти по отношению к людям, работавшим на пределе человеческих возможностей? Это сегодня они кому-то могут показаться защитниками устаревших картины мира и порядка, но в свое время именно они создали то необходимое (и потому вечное), что Лейбниц назвал *philosophia perennis*, и жили тем опытом предела, каким был когда-то рационализм, остающийся недостижимым для многих наших «мыслителей».

Ratio – по латыни означает рассудок. Культура исключительно рассудка – это узкий рационализм (Просвещение является традицией именно рационалистической). Разум же, если брать его как нечто отличное от рассудка, есть *intellectus, nous, logos*. Именно разумность означает истинную рациональность – это нечто более содержательное и серьезное, чем рационализм. Рациональная традиция в широком смысле есть как раз культура разума, включающего рассудок, но не сводящаяся к нему. Это действующее в истории разумное начало – единое основание как для единичного и особенного, так и для мирового духа. В конце XVIII века оно проявилось так ярко и так остро, что требование мыслить всеобщим образом и поступать в соответствии со всеобщим законодательством, предъявляемое мировым разумом к индивидам, называющим себя разумными существами, выступило весьма осознанно и очень убедительно, что как раз и явилось основанием для формирования классического философского мышления в немецком мире. Почему это время завершилось и солнце самосознания, по выражению Гегеля, взошедшее над Европой, вдруг покинуло этот мир? Этот вопрос не простой и ответ на него требует основательной рефлексии о феноменологии духа и смысле истории. Но ключевой момент смысла истории состоит в том, что единое разумное основание есть, и, если оно проявилось в опыте всемирной истории в форме классических творений, то сознательное познание самого разумного основания создаст необходимое условие для возрождения классики философского мышления.

С точки зрения необходимого развития философии XX век оказался веком так называемого «постмодернизма» – случайных философских явлений с характерной пестротой мысли, переходящей в плюрализм мнений, множеством школ и направлений, мирно или воинственно относящихся друг к другу. В этом многообразии и равноправии позиций ни одна из школ в принципе не превосходит другие. Невольно возникает вопрос: постмодернизм – законченный ли это проект; и возможно ли сегодня возрождение классики? Представляется, что лучше говорить «постмодерн», а не «постмодернизм». Любой «-изм» есть только умонастроение, мы же имеем дело с реальным явлением современности, а не только с умонастроением отдельных философствующих литераторов и публицистов. В этом смысле постмодерн есть не чей-то проект, а некоторая реальная проекция и отсчет исторической перспективы. Думается, что ренессанс классики потому и возможен (без всякого «ли»), что необходим. Этот ренессанс – не блажь, не чья-то странная личная склонность к чему-то якобы замшелому, древнему в искусстве или в философии. Совсе нет! Классика – не мёртвое, отжившее прошлое, а вечно живое, настоящее и поэтому всегда – будущее. И наше будущее, в том числе, заключено в этой самой классике, потому что только в ней, а не в чём-то ином, содержатся источник истинного знания о мире и метод восхождения духа к своей истине. Ибо философское мышление – это не просто мышление о бытии, а это бытие, которое в мышлении приобретает свою определенность, свою истину. И можно смело утверждать, что классика вводит нас в этот сакральный мир – мир мышления, единого с бытием и внешним образом не делимого. Это и есть философское мышление, которое не зависит от произвола, от внешних методов – мышление, предмет и метод которого едины. То, что сегодня появилась книга А. А. Иваненко о единстве предмета и метода [6] – это говорит о том, что русское философское самосознание стремится к истине, двигаясь не произвольно, а в нужном и, в то же время, истинно свободном направлении. Ведь свобода без истины, без разума есть своеволие и произвол. По убеждению классических мыслителей, конечный дух, конечное самосознание или эмпирическое «я» через акт свободы, через «трансцендентальную абстракцию» или через «абсолютное отвлечение» (термины Фихте и Шеллинга) может и должен подняться на уровень философского, развивающегося по собственным законам, мышления. И если конечный дух достигает необходимого способа «деятельности интеллигенции», то здесь проблемы выбора «как мыслить?» уже нет, ибо необходимость мыслить становится необходимостью самого законодательствующего духа. Есть только самостоятельное развитие предмета мышления и задача философа – быть просто созерцателем этого процесса (согласно Фихте). Конечно, диалектический метод восхождения духа к своей истине Фихте так и не разработал, не поднялся к той ступени мышления, где единичное полностью снято во всеобщем, но в его философии в зародыше уже имелась та логическая основа познания, которую затем раскрыл Гегель.

История философии, по сути, есть процесс развития одновременно и определенности содержания, и формы мышления, и познания самого всеобщего отношения содержания и формы, бытия и мышления. Философия развивалась либо по линии развития определенности содержания своего предмета, либо по линии развития его формы – способа мышления этого содержания. Это историческое явление философии в двух ее особенных формах преодолено благодаря тому, что Кантом, Фихте и Шеллингом была разработана форма мышления в ее всеобщности, а содержание было развито до его всеобщей формы (в натурфилософии Шеллинга), что и позволило Гегелю достичь конкретного тождества формы и содержания всеобщего предмета философии – тождества мышления и бытия в понятии. Тем самым Гегелю удалось завершить и преодолеть историческую форму развития философии в виде особенных дисциплин и начать разработывать всеобщую форму философии – логическую философию (или диалектику абсолютной идеи, как он ее охарактеризовал).

Гегелевская философия, несомненно, завершает историческую форму развития и познания предмета философии и снимает это развитие в логическую форму. Но дело в том, что она является ещё только первым и непосредственным снятием историко-философского процесса, первым и непосредственным снятием особенных форм понимания всеобщего в конкретно-всеобщую, диалектическую форму. У самого Гегеля диалектика понятия выступает ещё в исторически ограниченной форме, отягощенной формой представления. Кроме того, сама энциклопедическая форма науки затемняет понимание отношения логического и реально-го. Само логическое остается не проработанным детально, не разъяснённым подробно, требующим подчас реконструкции мысли, что вызывало и вызывает столько непонимания многими мыслителями положений гегелевского учения. Поэтому всё, что в области философской мысли было написано после Гегеля – каким бы ни было это содержание – по своей форме относится лишь к представлению, т.е. рассудочному или религиозному опыту сознания. По сути это всего лишь ученическая ступень феноменологии духа, несмотря на собственные иллюзии авторов и государственную сертификацию ученых степеней. Показательно в связи с этим утверждение Ю. В. Перова, который пришел к заключению, что все известные ему попытки усвоения логической философии, скорее всего, были обречены на пребывание лишь «внутри пространства интерпретаций» [12, с. 8]. Более категорично высказался заведующий сектором теории познания ИФ РАН академик В. А. Лекторский: «Сегодня ясно, что не существует окончательного решения философской проблемы... найти единственный «нодлинный метод» философствования... Философия стала осторожной и не претендует на окончательное решение своих проблем» [8, с. 15]. Всё это звучит как философская капитуляция.

Справедливости ради, следует признать, что за прошедшие почти 200 лет никто, кроме Е. С. Линькова, так и не смог подняться до логической свободы философского духа. Из множества мыслителей послегегелевской эпохи вряд ли кого-то можно поставить рядом с ним по степени разработанности научной (т.е. спекулятивной) мысли. Думается, что с полным основанием можно говорить не только о продолжении традиции классической философии в творческой деятельности Е. С. Линькова, но и том значительном вкладе, который он внес и продолжает вносить в дальнейшее развитие философии как науки. Гегелевская философия как высшая форма историко-философского развития всеобщего предмета философии не могла не быть предметом особого внимания Линькова, но не сама по себе, а в качестве результата, итога, внутренней цели

всего предшествующего развития. Необходимо отметить, что Е. С. Линьков не является просто гегельянцем, который занимался бы исключительно повторением затверженных положений гегелевского учения, и не следует буквально за Гегелем, это видно даже по его терминологии [9]. Достигнутое Гегелем тождество мышления и бытия в абсолютной идее Линьковым разрабатывается далее: в своем диалектическом изложении определенности всеобщего предмета философии он преодолевает те, еще не преодоленные исторические особенности гегелевской философии, которые в ней сохраняются, – метафорический язык, формы представления, которые, так или иначе, затемняют понимание всеобщего. Таким образом, Линьков, по сути, очистил логическую форму от метафоричности, а, следовательно, сделал прозрачным для понимания само всеобщее содержание философской науки. И это позволило ему усовершенствовать учение о всеобщей диалектике мышления и бытия как предмете философии и начать разрабатывать историю философии как науку. Разработку истории философии как науки мы не встречаем даже у Гегеля. Е. С. Линьков, по крайней мере, предложил основные принципы для рассмотрения истории философии – не просто в ее явленности, а в ее необходимости, т.е. в необходимых моментах саморазвития её всеобщего предмета и в необходимости её результата. Более того, это позволило впервые раскрыть необходимость самого начала историко-философского процесса. Такое понимание отношения исторического и логического, где логическое выступает как внутренняя, всеобщая необходимость и закономерность исторического, а историческое – как развитие всеобщего предмета в форме особенности и случайности (хотя и внутренне целесообразно), остается образцом для научного подхода к истории философии и дальнейшей задачей для последователей.

В заключение хотелось бы выразить мысль о том, что в философствовании XX века содержится, на наш взгляд, важный культурный урок. Если масса серьезных мыслителей неотступно повторяют историю философии в ее отдельных моментах, а логическая наука как необходимый результат исторического развития философии пребывает почти в том же состоянии, в каком ее оставил Гегель, значит для того, чтобы сделать следующий шаг в логическом развитии философии, надо снять историю философии целиком, включая, разумеется, и философию Гегеля, который в своей «Науке логики» дал первый образец такого снятия. Тем, кто намерен философствовать в XXI веке, необходимо усвоить этот главный философский урок прошедшего столетия, если они хотят создать что-то необходимое и значимое, а не пробавляться принадлежащими только своему времени случайными индивидуалистическими рефлексиями.

То, что наше общество является больным, совсем не значит, что разум ему больше не нужен. Наоборот, рациональность всегда была и останется формой духовного самосохранения и свободы человека, тем стержнем, благодаря которому человек удовлетворяет свою самую насущную потребность поиска образа и смысла мира. Французский математик и философ А. Пуанкаре не только распространяет уверенность в наличии единого миропорядка на иные пространства, но и придает ему вечный характер. «Два ума, наблюдающие нашу Вселенную в разные эпохи, – говорит он, – могли бы зафиксировать разницу в законах. Но как бы ни велико было это различие, мы всегда можем вообразить ум, который... будет в состоянии произвести синтез и соединить в одну единственную формулу... обе частные и приближенные формулы» [13, с. 419]. Таким образом, необходимость общей для всей культуры философски осмысленной картины мира остается насущной потребностью, ибо любая культура является жизнеустойчивой и прочной лишь в том случае, если она не утратила своих духовно состоявшихся субъектов и связей между ними. Это необходимо, прежде всего, в интересах самого общества, если оно хочет выявить темные пятна своего самосознания и ориентироваться в перспективах своего развития. Критерием же приемлемости истинных суждений выступает исторически обусловленное сознание, которое накапливает свой опыт тем, что делает предметом рефлексии собственные философские теории.

Осознавая сложный характер структуры современного общества трудно признать язык какой-либо из его систем универсальным. Философские процессы в России и на Западе протекают несколько разнонаправленно. Действительно, там мы наблюдаем господство структурализма, освоившего марксизм, фрейдизм, экзистенциализм, опирающегося на достижения этнографии, истории, литературоведения, охватывающего социальные, экономические, познавательные и даже повседневные структуры. Этому противостоит опыт анархии и маргинальности как опыт освобождения. У нас, напротив, на фоне анархии и архаики процветают дискурсы о человеческом и духовном, все более популярными становятся религиозно-антропологические семинары. Ясно, что ангажированность фигуры философа в данном случае объясняется идеологической необходимостью и социальным заказом. Но философия всегда проявляла себя как система, связанная с пророческим даром и способностью видеть на несколько шагов вперед. Именно это, а не создание красивых теорий в духе «русской идеи», часто маскирующих или компенсирующих недостатки реальной жизни, делало философию хранительницей высших универсальных истин – необходимой и самой важной из наук. Достичь этого вновь можно только одним путем: сохранив все то ценное, что дала мировая философия от Парменида до Гегеля включительно, разрабатывать новую философскую парадигму – парадигму на классических рациональных основаниях, в которой мышление было бы неотделимо от бытия, предмет – от метода, а содержание – от формы. Ибо способ рассмотрения бытия в отрыве от мышления, а мышления – в отрыве от бытия порождает все превратности онтологии и гносеологии и через них неминуемо ведет к агностицизму и стихийному возникновению бесчисленного множества индивидуалистических рефлексий. Не случайно в том, что называют постмодерном, уже не осталось не только всеобщего основания, но и вообще какого-либо основания, осталась одна игра в смыслы, причем игра без правил, у каждого своя, хотя и неизвестно чья, ведь субъект-то умер. Стихийное мышление, не поднявшееся до исследования своего необходимого отношения с бытием, не знающее своей всеобщей природы, т.е. не ставшее разумом, в лучшем случае будет повторять уже пройденные этапы исторического развития философии, в худшем – не сознавая того, возвращаться к дофилософским формам сознания.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Системы вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Астрель, 2011. 347 с.
3. Гиренок Ф. И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академ. проект, 2010. 235 с.
4. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академ. проект, 2011. 480 с.
5. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008. 516 с.
6. Иваненко А. А. Философия как наукоучение: генезис научного метода в трудах И. Г. Фихте. СПб.: Владимир Даль, 2012. 383 с.
7. Лебедев С. П. Кризис физики: доклад, прочитанный 07.12.2013 на заседании СПб. философского клуба РФО в РХГА.
8. Лекторский В. А. Философия как понимание и трансформация // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 14-24.
9. Линьков Е. С. Лекции разных лет. СПб.: ГРАНТ ПРЕСС, 2012. Т. 1. 494 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50-ти т. Изд-е 2-е. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. 824 с.
11. Муравьев А. Н. Об истоках и итогах философствования XX века [Электронный ресурс] // Credo New: теоретический журнал. 2002. URL: <http://credonew.ru/content/view/272/54/> (дата обращения: 26.03.2014).
12. Перов Ю. В. Опыт «историзации» гегелевской мысли // Рудольф Гайм. Гегель и его время. СПб.: Наука, 2006. 392 с.
13. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983. 561 с.
14. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М.: А-сэд, 1994. 406 с.
15. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. 379 с.
16. Шарден Т. Божественная среда. Избранные мысли. М.: Renaissance, 1992. 312 с.
17. Deleuze G., Guattari F. Rhizome. Introduction. P., 1976. 74 p.

PHILODOXIA AND NECESSITY OF CLASSICS REVIVAL**Vasil'kova Svetlana Nikolaevna***Russian Christian Academy for the Humanities**drakon_fly11@bk.ru*

In the article the author analyzes the position of philosophy in the structure of the modern humanities: the history of philosophy repeats itself persistently in certain moments and logical science as a necessary result of the historical development of philosophy stays in the same state as it was left by Hegel. The idea that for overcoming the next phase of philosophy development one should return to classical rational foundations and try to logically remove all the history of philosophy, including Hegel's philosophy, who gave the first example of such removal in his "Science of Logic", is grounded.

Key words and phrases: philodoxia; post-modernism; classical philosophy; rationalism; logical science; history of philosophy.

УДК 343.12

Юридические науки

В данной статье автор рассматривает проблему нарушения права на уважение чести и достоинства личности, явление, наиболее часто встречающееся в сфере уголовного судопроизводства, а именно, в местах содержания под стражей, поскольку в этих условиях ограничиваются возможности использования средств правовой защиты лицами, честь и достоинство которых унижаются. В статье рассматриваются обстоятельства, препятствующие реализации права на уважение чести и достоинства личности, а также способы разрешения этой проблемы: подготовка персонала, изменение внешних условий содержания и т.п.

Ключевые слова и фразы: подозреваемый/обвиняемый; нарушение права; честь и достоинство; личная безопасность; содержание под стражей.

Владимирова Юлия Константиновна*Воронежский государственный университет**rusgirl-s15@yandex.ru***ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА УВАЖЕНИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ И ЛИЧНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА[©]**

Обеспечение права на уважение чести и достоинства личности для участников уголовного судопроизводства, находящихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы имеет особую важность. Однако на сегодняшний день жалобы граждан России в Европейский суд по правам человека на нарушение права не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению относятся к числу наиболее распространенных.

Как показывает изучение содержания жалоб, в основном, заявители обращаются к Суду с жалобами на условия содержания в местах содержания под стражей и местах лишения свободы. Реже основанием таких жалоб является поведение работников правоохранительных органов и судей.

В литературе иногда оспаривается необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законе принципа уважения чести и достоинства личности вследствие его универсальности и необходимости соблюдения